DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-4-53-72

Ларин Андрей Борисович
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
отдела Новой и Новейшей истории
Института всеобщей истории РАН.
Москва, Ленинский просп., д. 32А
ab-larin@mail.ru

НА СЛОМЕ ЭПОХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ (1914—1917)

Larin Andrey B.
Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow,
Department of Modern and Contemporary History,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences.
Moscow, Leninskiy ave., 32A
ab-larin@mail.ru

AT THE TURN OF AN EPOCH: THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MIDDLE EAST IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN RULING CLASS (1914—1917)

Аннотация. В статье рассматриваются представления и идеи, циркулировавшие в среде управленческой элиты России в эпоху Великой войны применительно к желаемому переформатированию региона Среднего Востока (прежде всего, Ирана Каджаров) в соответствии с интересами государства. Соглашение 1907 г. не разрешило окончательно ни противоречий между Российской империей и Британией в регионе, ни персидский вопрос как таковой. Предвоенные годы ознаменовались интенсификацией «мирного проникновения» в российской сфере влияния, что порождало дополнительные трения. Начавшийся глобальный конфликт, казалось, открывал окно возможностей для трансформации региона, в том числе связанных с появлением новых форм проникновения, таких как переселенчество и активное вовлечение в обсуждение и реализацию политики Переселенческого управ-

©Ларин А.Б., 2025
©Larin A.B., 2025

ления и властей Туркестана. К исходу 1916 г. это даже привело к постановке вопроса о переносе политической границы к востоку от Каспия. Однако революционные события февраля 1917 г. в Петрограде повлекли за собой смену парадигмы. Новые власти, риторически отмежевавшиеся от подходов и практик «старого режима», стремились найти собственные варианты средневосточной политики, неизбежно обусловленные ситуационной и кадровой инерцией, с одной стороны, и поиском новых форматов и подходов — с другой.

Ключевые слова: *Россия, Иран, Великобритания, В.О. Клемм, В.Ф. Минорский, революция в России.*

Abstract. The article examines the views and ideas that circulated among the Russian state elite during the Great War era in relation to the desired reshaping of the Middle East region (primarily Qajar Iran) in accordance with the interests of the state. The 1907 Agreement did not definitively resolve either the contradictions between the Russian Empire and Britain in the region, or the Persian question as it. The pre-war years were marked by an intensification of "peaceful penetration" in the Russian sphere of influence, which generated additional friction. The outbreak of the global conflict seemed to open a window of opportunity for the transformation of the region, including those related to the emergence of new forms of penetration, such as resettlement and active involvement in the discussion and implementation of the policy of the Resettlement Department and the authorities of Turkestan. By the end of 1916, this even led to the issue of shifting the political border in the region to the east of the Caspian Sea. However, the revolutionary events of February 1917 in Petrograd led to a paradigm shift. The new authorities, who rhetorically dissociated themselves from the approaches and practices of the "Ancien Régime", sought to find their own Middle Eastern policy options, inevitably driven by situational and personnel inertia, on the one hand, but also by the search for new formats and approaches, on the other.

Key words: *Russia, Iran, Great Britain, W.O. Klemm, V.F. Minorsky, Russian revolution.*

Эпоха Великой войны (1914—1918) стала временем глобальной трансформации миропорядка, радикально изменившей не только политическую карту мира, но и сами подходы к международным взаимодействиям, дипломатию, представления о принципах политики, о возможном и невозможном. Масштабные геостратегические изменения, принесенные войной, стали знакомой нам реальностью. Однако спектр потенциально возможных вариантов трансформации мироустройства был много разнообразнее итогового варианта. В рамках крупных государств-акторов накануне и в годы войны обсуждались и вырабатывались собственные представления о желаемом. Эти представления и идеи могли изменяться под воздействием внешних обстоятельств, т.е. успехов и неудач на фронтах, обсуждения с союзниками и т.п. Однако их исследование, как и выявление факторов, которые влияли на принятие тех или иных решений, распространение тех или иных идей в среде правящей

элиты, представляется важной академической задачей, позволяющей составить более объемное представление об этой критически важной эпохе в истории.

Средний Восток, прежде всего Иран Каджаров, являл и являет собой один из узловых регионов планеты, где сталкивались интересы ключевых международных акторов. В рассматриваемую эпоху — это в первую очередь Россия, Британия, но также стремительно набиравшая вес и влияние в регионе Германия, а в годы войны, в силу военных действий, — Османская империя. Эти игроки стремились реализовать собственные сценарии переформатирования и модернизации важнейшего региона, не говоря о самом Иране, в котором в ходе революционных перемен и под внешним давлением возникало свое представление о желаемом грядущем. Российские правящие элиты в ходе внутри- и межведомственных дискуссий вырабатывали перспективное видение трансформации региона, менявшееся под влиянием различных факторов. Исследованию циркулировавших представлений — вплоть до осени 1917 г., когда пришедшие к власти радикалы коренным образом изменили подходы к международной политике, посвящена данная статья.

Если говорить о восприятии ситуации в Иране Каджаров с точки зрения государственных элит России накануне войны, то нужно отметить сохранение и развитие на новом уровне той ситуации, что сложилась еще ранее и была оформлена англо-русской конвенцией 1907 г. Широко распространенным в самом начале века представлением было то, что Персия является слабым государством, которому уготована судьба «заднего двора» России, объекта приложения ее экономических усилий и военно-политической мощи. Очень хорошо подобный взгляд артикулирован в инструкции МИД новому российскому посланнику в Тегеране А.Н. Шпейеру [5]. После бесславного завершения русско-японской войны аппетиты в отношении южного соседа пришлось умерить и согласиться на доминирование в северной части страны. Однако заключение конвенции не урегулировало всех противоречий с Британией, стороны слишком по-разному воспринимали суть заключенных договоренностей, содержание понятия «сфера влияния» и, соответственно, меру допустимого и недопустимого в отношении проводимой политики.

Потому отношения двух держав в связи с «персидским вопросом» в предвоенные годы определенно нельзя назвать безоблачными. Особенно ярко трения и взаимные непонимания проявлялись во время кризисов, таких как кризис 1911 г., связанный с миссией американского финансиста У. Моргана Шустера, своими действиями и подходами спровоцировавшего резкое недовольство и неприятие российской стороны, в кульминационной точке пошедшей на военное давление и предъявление ультиматума, с которым Тегеран был вынужден согласиться [16, 17]. Этот кризис и его громкие отголоски уже в 1912 г. стали настоящим испытанием на прочность англо-русской Антанты, в ходе которого главе Форин-офис Э. Грею пришлось прилагать серьезные усилия для за-

щиты соглашения. Последующие годы показали рост российских амбиций в своей сфере, активизацию «мирного проникновения» и сложности в урегулировании болезненных вопросов с англичанами. В сущности, накануне войны на повестке стоял вопрос о пересмотре конвенции 1907 г., препятствием к чему служила большая сложность в выработке взаимоприемлемой новой формулы договоренностей по Ирану [6, 8]. Конечно, ситуация с Афганистаном была много проще, российская сторона в эти годы в целом не ставила под вопрос доминирование британского влияния в стране.

Показательно обсуждение возможного пересмотра конвенции, состоявшееся в начале 1914 г. Когда британское правительство подняло вопрос о пересмотре соглашения в части, касающейся Тибета (предполагалось установление фактического протектората), министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов в свою очередь захотел встречных уступок. Они включали в себя получение от англичан обязательства не препятствовать образованию *de facto* автономного Иранского Азербайджана (под российским протекторатом) с присоединением к нему принадлежавших некогда России Гиляна, Мазандерана и Астрабада. Кроме того, предполагалось получить согласие на наиболее восточное направление Трансперсидской дороги в пределах зоны, отведенной англичанам по соглашению 1907 г., усиление штата персидской казачьей бригады и получение коммерческого выхода к Персидскому заливу [4].

Э. Грей понимал, насколько сложно было бы согласовать значительные аппетиты Петербурга с британскими интересами. В письме Дж. У. Бьюкенену он писал: «Очевидно, что русские будут действовать в нейтральной сфере путем расширения российского покровительства (protection. — *А. Л.*) таким образом, что сделает продолжение существования нейтральной сферы выгодным для них и невыгодным для нас. Слабость нашего положения в Персии состоит в том, что русские готовы оккупировать Персию, а мы нет. Мы хотим, чтобы Персия была нейтральным буферным государством, они же хотят разделить ее. Но если бы идея англо-русского соглашения состояла в разделе Персии, то мы должны были бы претендовать на южную часть, как и на то, что включило бы в себя территорию, составляющую в настоящий момент нейтральную сферу» [19, p. 776]. Результаты его рассуждений были неутешительны: «Таким образом... что до Персии, мы бы хотели получить практически всю нейтральную сферу, притом, что нам нечего уступить там России... Итак, по всем фронтам мы чего-то хотим, и нам нечего предложить взамен. Именно поэтому сложно понять, как мы могли бы заключить выгодную сделку. Твердое соглашение по Трансперсидской железной дороге и о маршруте до Индии могло бы стать подходящим *quid pro quo* для России. Но мне было бы сложно добиться этого в Комитете обороны и я подвергнусь критике со стороны Индийского правительства...» [19, p. 777]. По словам Грея, в таких обстоятельствах он не решался инициировать общую дискуссию по проблеме, хотя сам ход событий подталкивал к этой цели.

В этой ситуации сторонам оставалось лишь работать, более или менее успешно, над разрешением текущих проблем взаимных отношений. Назначение в конце 1913 г. нового российского посланника в Тегеране И.Я. Коростовца не исправило ситуацию. Довольно скоро его отношения с британским коллегой сэром В. Таунли испортились, соответственно, как по объективным, так и по субъективным причинам России не удалось выработать со своим ключевым партнером/соперником в регионе новый формат взаимодействия в Иране.

Война существенным образом повлияла на ситуацию в регионе. Так, несмотря на провозглашенный Ираном нейтралитет, он стал ареной противоборства стран Антанты и Центральных держав. В годы Первой мировой на его территории действовали германские эмиссары, на запад страны выдвинулись османские войска, что привело Россию и Британию к необходимости ответить на данный вызов. В конце октября 1915 г. в Энзели высадился русский экспедиционный корпус под командованием генерала Н.Н. Баратова, на юге страны англичане стали формировать подразделения Южноперсидских стрелков [3, 14, 15, 18]. Сложной была позиция иранских властей — многие в числе элит и общественности были настроены прогермански (что неудивительно, Германия воспринималась как третья сила, опора на которую могла содействовать избавлению от старинного англо-русского доминирования). Итак, ситуация требовала от союзников согласованных военных усилий для недопущения перехода контроля над стратегическим регионом в руки неприятеля.

Это не отменило накопившихся противоречий между Россией и Британией по «персидскому вопросу», однако они были отставлены в сторону. Новому русскому посланнику Н.С. фон Эттеру удалось наладить более конструктивное взаимодействие с британским коллегой Ч. Марлингом, да и само развитие ситуации не позволяло англичанам столь же рьяно возражать против локальных действий русских в тех или иных областях Ирана, как до войны. Это расширяло границы возможного для имперской администрации. Вкупе с предполагаемым после завершения конфликта общим пересмотром мироустройства, переформатированием системы международных отношений складывавшаяся региональная ситуация рассматривалась как окно возможностей, позволявшее обеспечить на будущее национальные интересы страны. Часть из них касалась других стратегически значимых пунктов, прежде всего вспоминается соглашение весны 1915 г., по которому Россия получала контроль над Константинополем и Проливами, но соглашалась передать Британии нейтральную зону в Иране [13].

Уступка нейтральной зоны между тем сопровождалась сохранением и даже активизацией политической линии на севере, в российской сфере влияния. Более того, новые факторы, проявившиеся накануне войны, казалось, предоставляли для этого дополнительные возможности. Не останавливаясь на неоднократно описанных способах проекции российской

военно-политической и экономической мощи в Персии, таких как казачья бригада, предоставление займов, деятельность Учетно-ссудного банка и т.д., хотелось бы обратить внимание на артикулированные (в том числе на высоком уровне) предложения переформатирования в том или ином виде области, простирающейся от российского Закавказья до Туркестана и включающей Иранский Азербайджан, Гилян, Мазандеран и Астрабад. Как было показано выше, заинтересованность в данном регионе имела место и до войны, что нашло отражение в соображениях С. Д. Сазонова. Иранский Азербайджан и Табриз находились под властью лояльного России правителя, наряду с Гиляном являясь средоточием русско-иранской торговли.

Накануне войны возникли новые перспективы в Мазандеране и Астрабаде. Здесь стали появляться крупные земельные владения русскоподданных, скупавших большие площади земли. Одновременно в Астрабадской провинции в районе р. Горган возникали поселки русских крестьян-переселенцев. К 1914 г. здесь насчитывалось около дюжины деревень, население которых максимально достигало более трех тысяч человек (после начала войны оно значительно сократилось, уже к 1915 г. составляя около 1000 человек) [12]. Эти процессы вызвали серьезную заинтересованность в Петербурге. С начала 1914 г. имела место интенсивная ведомственная дискуссия с участием МИД, Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) (с октября 1915 г. — Министерство земледелия), властей Туркестана и т.д. Было принято решение содействовать переселенчеству, как и крупным русским концессионным проектам в регионе (с оговорками), что должно было способствовать решению не только экономических, но и стратегических задач, в том числе обеспечения безопасности границы [7].

Еще в феврале 1914 г. Сазонов, рассуждая в письме посланнику в Тегеране И.Я. Коростовцу относительно сложившейся в Астрабадской провинции ситуации, ставил вопросы, связанные с геостратегическими интересами России в районе к юго-востоку от Каспия. Отметив неудачное размежевание 1881 г. по р. Атрек, искусственно разделившее степные туркменские земли, он указал, что перенос границы в настоящее время невозможен в силу обязательств по соглашению 1907 г. Однако создание цепи русских поселений в долине р. Горган позволяло улучшить ситуацию, исправить ее *de facto*, отделив населенные туркменами земли (слабо или вообще неконтролируемые Тегераном) от лежащих южнее иранских земель [9]. Он видел в переселенчестве и русском землевладении способ переформатирования региона без формального пересмотра границы.

Важную роль в годы войны в обсуждении вопросов послевоенного переустройства региона Северной Персии неожиданным образом стало играть ведомство земледелия. Чиновники Переселенческого управления, непосредственно занимавшиеся вопросами организации помощи и содействия переселенцам, изучения региона, развернули наиболее активную

работу именно в 1914—1916 гг. В своих донесениях и публикациях они представили богатые перспективы освоения Прикаспийских провинций, их значение для России, роль переселенчества в деле укрепления позиций в регионе и проч. В том числе они затрагивали и вопросы геостратегического характера. Ссылаясь на хозяйственно-экономическую целесообразность, исторический прецедент, соображения безопасности они в более или менее явной форме высказывались в пользу включения приграничных территорий Ирана в состав Российской империи. Это был общий дискурс ведомства: в письме С. Д. Сазонову от 28 февраля 1915 г. глава ГУЗиЗ А.В. Кривошеин перечислял территории, которые, по его мнению, необходимо присоединить: северную часть Иранского Азербайджана, Гилянскую, Мазандеранскую и Астрабадскую провинции. Он обосновывал это потребностями хозяйства[1].

Итак, в годы войны росли аппетиты государственных элит в отношении перспектив переформатирования региона, охватывающего дугой южный Каспий от Туркестана до Закавказья и границы с Османской империей. Эти идеи не были сугубо теоретическими. Так, в 1916 г. завязалась межведомственная дискуссия о необходимости выделения средств для скупки земель под русскую колонизацию. Более того, вспыхнувшее в 1916 г. восстание в Русском Туркестане имело неожиданным следствием интенсификацию процесса переформатирования региона. Осенью, ввиду необходимости преследовать мятежных туркмен на территории соседней Астрабадской провинции, туда были введены российские войска. С подачи заведующего Сыр-Дарьинским переселенческим районом А.М. Сахарова, получившего одобрение Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, было принято решение использовать имевшиеся в занятой области свободные земли под русскую колонизацию, а сотрудникам Переселенческого управления поручалось разработать проект новой русско-иранской границы[2].

Положение в Афганистане в меньшей степени было предметом активных размышлений и рефлексии по причинам, уже означенным выше. Тем не менее определенное беспокойство в смысле сохранения доминирования союзников в регионе вызывал и эмират. Куропаткин высказывался об этом в докладе военному министру от 28 февраля 1917 г.: «Слабость охраны нашей границы с Афганистаном более тревожна. Но и в этом случае наш союз с Англией создает столь действительную угрозу Афганистану, что эмир Афганистана, по имеющимся сведениям, намерен держать строгий нейтралитет. Но если военные действия на европейских фронтах пойдут для держав согласия неудачно, если в особенности турки на персидском театре войны вновь достигнут значительных успехов, Афганистан может еще стать в ряды наших врагов» [2, с. 220]. Надо сказать, он полагал, что после войны Прикаспийские провинции должны

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Персидский стол «Б». Оп. 489 (1879—1920). Д. 495б. Л. 113—115.

[2] Там же. Д. 497б. Л. 267—272.

войти в состав России, а также, по соглашению с Англией, Северная Персия с Табризом, Тегераном и Мешхедом должна стать российским протекторатом.

События 1917 г. стали ключевым, поворотным моментом в отечественной истории, приведя к коллапсу Российской империи, а затем, после прихода к власти леворадикальных сил, — к коренному изменению самых основ жизни страны. Эти трансформации коснулись не только социальной жизни, внутренней структуры общества, его устройства и функционирования, но и подходов во внешней политике государства. Хорошо известно, что захватившие власть в Петрограде осенью 1917 г. большевики провозгласили принципиально новый курс в международных отношениях. Однако и Февральская революция привела к глубоким переменам подходов во взаимодействиях с другими странами и народами, ввиду общего обновления политики и стремления отмежеваться от «царского режима». При этом Временное правительство оказалось в двойственном положении: с одной стороны, было ориентировано на перемены, с другой — связано союзническими обязательствами с другими странами Антанты.

Это хорошо видно из документов эпохи. Так, уже 6 марта Временное правительство выпускает обращение, в котором констатируется: «Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы». Одновременно здесь же утверждается: «Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения» [1, с. 1]. В том же духе была выдержана известная нота П.Н. Милюкова, спровоцировавшая апрельский кризис Временного правительства [11]. Между тем многие практики и подходы властей империи, применявшиеся в годы Великой войны, зачастую обусловленные межсоюзническим взаимодействием, далеко не всегда хорошо соотносились с общим духом демократических деклараций новой власти, во всеуслышание заявлявшей о разрыве с прошлым.

Новые подходы Временного правительства, как и новая риторика, неизбежно должны были повлечь за собой изменение средневосточной политики. Многие вполне откровенные (как было показано выше) проекты политического переформатирования региона и изменения границы становилось невозможным обсуждать в силу дискурсивных ограничений. Другое дело, что если о программе максимум можно было забыть, то программа минимум оставалась на повестке дня уже по инерции обстоятельств: так или иначе, высокая степень экономической интеграции Иранского Азербайджана и Гиляна с Россией оставалась фактом, как и то, что в Астрабадской провинции продолжали находиться русские войска, направленные туда в ходе экспедиции генерала А.С. Мад-

ритова, и многие сотни переселенцев, ожидавшие решения своей судьбы в далеком краю. Выстраивание политической линии в отношении приграничных регионов требовало работы во взаимодействии новых центральных и местных властей с учетом произошедших «демократических» перемен.

Позиция новых властей в Петрограде вполне отчетливо проявлена в телеграмме министра иностранных дел Временного правительства поверенному в делах в Тегеране (с копиями в Ташкент, Асхабад и Астрабад) от 26 апреля 1917 г. В ней П.Н. Милюков указывал, что «не признавая возможным при настоящих условиях возбуждать вопрос о перенесении границы Закаспийской области с Персией за Гюрген», в новом МИД не видели в то же время и оснований «допускать распространения влияния Шахского Правительства на туркменскую степь, на которую власть его фактически никогда не распространялась»[3]. Ссылаясь на принцип «самоопределения народностей», он считал, что туркмены должны по-прежнему пользоваться «полной автономией», более того, их необходимо «всемерно ограждать» от каких-либо посягательств Тегерана, «продолжая развивать среди них систему самоуправления», начало которой уже было положено русским консульством в Астрабаде и комиссаром в Гомбеде-Кавусе. Вместе с тем признавалось желательным «не препятствовать дальнейшей планомерной колонизации Гюргенского района русским элементом под наблюдением Консульства, Комиссара и чинов Переселенческого Управления»[4].

Итак, Милюков отказывался от идеи переноса границы, однако в смысле поселенческой колонизации и недопущения восстановления контроля шахского правительства над регионом здесь наблюдался полный континуитет с предшествующей политической линией. Более того, если до событий 1917 г. между российскими представителями (например, консулом и комиссаром) не было согласия в вопросе о том, как лучше приобретать землю под переселение, через персидских собственников либо с опорой на туркмен, то здесь характерен выбор исключительно в пользу последних. При этом данное политическое решение оформляется в духе новой риторики через обращение к принципу самоопределения народов. Таким образом, на этом этапе Временное правительство не собиралось полностью отказываться от достигнутых в регионе результатов предшествующей политики, хотя военная экспедиция и была заклеймена.

В то же время непосредственно из Астрабадской провинции сообщали о сложной и запутанной ситуации, начиная от неопределенного положения переселенцев, снабжения и произведенных реквизиций, заканчивая вопросом о выводе российских войск. Туркмены также выражали свое недовольство произошедшим. 13 июня 1917 г. МИД в письме пред-

[3] Там же. Д. 497б. Л. 275.
[4] Там же.

седателю Туркестанского комитета фактически повторил озвученные ранее позиции, отметив, в частности: «По имеющимся данным есть полное основание думать, что в этой местности имеется еще достаточное количество земель, которые без всякого ущерба для туземного населения могли бы быть использованы в целях колонизации и широкого использования высокоплодородных пространств для столь полезной в общегосударственных видах рациональной эксплоатации их, особенно для культуры хлопка и других ценных злаков и плодов» [2, с. 253—254]. Министерство при этом указывало, что все необходимые мероприятия следовало осуществлять при участии и с согласия Туркестанского самоуправления.

В этот период обсуждалась идея туркменской автономии. В частности, в письме указывалось на то, что признание Временным правительством автономии туркмен никаких обязательств на иранское правительство не наложит, и «последнее несомненно будет стремиться к полному подчинению себе этой народности». Соответственно, «надлежит тщательно обсудить и взвесить средства коими Туркменская автономия может быть ограждена в будущем от каких-либо посягательств со стороны Шахского правительства» [2, с. 254]. Кстати, здесь же отмечалось, что «Министерство иностранных дел было всегда противником крупных земельных концессий в Гюргенском районе и захвата там земель спекулянтами, однако, по имеющимся сведениям, некоторые крупные предприятия завели у себя рациональные хозяйства и приносят, несомненно, пользу делу развития культуры в этом благодатном крае» [2, с. 255]. И надо сказать, что в этом тезисе прослеживается полная преемственность с имперским министерством [ср., например: 9, с. 324]. Высказывались и соображения о мерах по противодействию устройства персидских таможен в Туркменской степи.

Свои идеи в связи с возможным выводом войск имели и центральные военные власти. В июле 1917 г. из министерства в Туркестанский комитет было направлено отношение, в котором сообщалось, что ведомство считает необходимым выполнение следующих условий: обеспечение интересов русскоподданных крестьян-поселенцев и отдельных крупных концессионеров после вывода войск; создание на замену выводимых войск иомудской милиции при сохранении за комиссаром в Гомбеде-Кавусе и консулом в Астрабаде особого конвоя из русских войск; в случае признания автономии Гюргенской провинции договорные отношения с туркменами-иомудами должны устанавливаться не центральным правительством, а комиссаром и консулом [2].

Нельзя не отметить и то, что существовала угроза нового туркменского восстания. В середине лета 1917 г. делегат гражданского населения Астрабадской провинции Звягинцев выступил перед Закаспийским областным советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов с подробным докладом о положении дел в провинции. В нем также звучал тезис о том, что Гюргенский район можно рассматривать только как

персидскую территорию и, несмотря на необходимость перенесения границы с Атрека на Горган, при существующих условиях об этом не может идти речи. Звягинцев отметил, что до последнего времени управление Туркменской степью находилось в ведении пограничного комиссара, и указывал на необходимость сохранения этого положения при расширении полномочий комиссара предоставлением ему «хотя бы прав судебных для разбора дел только между русскоподданными на месте». Экспедиция генерала Мадритова, реквизиции и поведение войск сильно озлобили местное население, ввиду чего возникала опасность нового восстания туркмен с целью изгнания русских из Гюргенского района. При этом неблагоприятное положение в районе (отсутствие продовольствия, распространение болезней — цинги и голодного тифа) могли стимулировать этот сценарий. «При таких условиях нам остается или эвакуировать с Гюргена все гражданское и трудовое население, переселенцев же перевести в Голодную степь или же принять ряд существенных мероприятий на месте» с учетом пожеланий туркмен. Для организации всего этого предполагалось прислать особую комиссию, успех работы которой во многом зависел бы от согласия Временного правительства на осуществление ряда насущных мер [2, с. 258—260].

Доклад Звягинцева первоначально вызвал в Совете солдатских, рабочих и крестьянских депутатов прения, клонившиеся к тому, что ввиду крайне сложного положения в регионе предпочтительно отказаться от Туркменской степи и эвакуировать всех русскоподданных. С возражением выступил чиновник для пограничных сношений, представивший взгляды Временного правительства на Гюргенский вопрос и «русское дело в Туркменской степи», после чего собрание пришло к заключению о необходимости направления на Гюрген правительственной комиссии с участием влиятельных туркмен Закаспийской области для ликвидации последствий экспедиции и разрешения на месте всех нужд русского и туркменского населения [2, с. 260].

Крайне серьезное положение, сложившееся в 1917 г. на юго-восточном участке российско-иранского фронтира, неизбежно требовало реакции Петрограда. Помимо отдельных инструкций и распоряжений, направляемых в связи с отдельными вопросами, целостное видение было представлено в составленных в августе так называемых Заметках по Гюргенскому вопросу. В этом документе прослеживается ситуация в регионе начиная с русско-иранского разграничения 1880-х гг. с указанием на все неудобства выбранной пограничной линии по р. Атрек (в этом смысле документ воспроизводит тезисы МИД при «старом режиме»), изложением событий конца 1916 — начала 1917 г., в том числе упоминанием экспедиции А.С. Мадритова и ее негативных последствий. Отмечается, что, по сведениям с мест, настроения среди туркмен позволяют ожидать нового вооруженного выступления, которое неминуемо перекинется в Закаспийскую область, с непредсказуемыми последствиями. Констатируется, что столь серьезное положение требует принятия скорейших

и серьезных мер. Указано, что в результате тщательного изучения ситуации со стороны комиссара Закаспийской области, Астрабадских общественных организаций и Туркестанского комитета Временного правительства были выработаны заметки по таким вопросам, как туркменский, земельный, о возмещении убытков, а также программа работ по разрешению проблем, касающихся пригюргенской Туркмении [2]. Не останавливаясь основательно на всех затронутых аспектах региональной политики, хотелось бы указать на упомянутое в «Заметках по туркменскому вопросу» видение ключевых целей в регионе. Составитель констатировал:

«С точки зрения государственной, мы должны предотвратить возникновение среди персидских туркмен новых, ныне ими, по-видимому, подготовляемых вооруженных выступлений, которые, перейдя в наши пределы, грозят нам тяжелыми, особенно в настоящее время, осложнениями.

С точки зрения политической мы должны приложить все усилия, чтобы доказать туркменам все выгоды от их сближения с нами и таким образом парализовать попытки персов закрепить почти совсем уже порванную связь между степью и Тегераном и тем затормозить на долгий срок национальное и культурное развитие туркмен» [2, с. 265—266].

Далее излагались конкретные меры, которые должны были быть предприняты для достижения этих двух принципиальных целей, связанных с вопросами безопасности и стабильности региона, с одной стороны, и обеспечения долгосрочных целей в заатрекской Туркмении — с другой. Предполагалось «внести успокоение в степь и примирить с нами туркмен», для чего прежде всего было необходимо оказать материальную помощь населению, а именно снабдить семенами для ближайшего осеннего посева и денежными средствами для покупки хлеба [2, с. 266]. Помимо данной поддержки следовало предложить туркменам выбрать полномочных представителей для распределения продовольствия и для переговоров с комиссией, командируемой Временным правительством для урегулирования гюргенского вопроса (здесь же определялись ее задачи). Между прочим последняя должна была разъяснить населению Степи:

«1) Желательность, в интересах самых же туркмен, возможно более тесного сближения с нами, а не с персами, ввиду крайней отсталости государственного развития последних и архаических форм их правления.

2) Искренность того, что мы не имеем в виду посягать на свободу туркмен, что наоборот, желаем, чтобы тот выборный строй, начала которого уже положены Собранием представителей туркмен, ведущих от их имени переговоры с комиссией развился до форм настоящей государственной власти и настолько бы окреп, чтобы мог не только противостоять посягательствам персов на свободу и самостоятельность туркмен, но и привел бы персов к необходимости и со своей стороны

желательную для нас, русских, полную автономию туркменской области» [2, с. 267—268].

Оговаривалась необходимость разъяснения со стороны комиссии будущей роли пограничного комиссара (как посредника с русскими властями и гражданами и «помощника во всех трех начинаниях туркмен, которые будут направлены к самоопределению и установлению ими у себя прочной, государственного характера, власти, на принципах выборного начала»), а также консула в Астрабаде. Отмечалось, что вопрос о выводе войск должен быть разрешен положительно, но лишь тогда, когда комиссия «убедится в действительном миролюбивом отношении» туркмен и исчезнет вероятность эксцессов по отношению к пребывающим в Степи русским гражданам [2, с. 268].

Итак, в политике Временного правительства в юго-восточном Прикаспии отчетливо виден курс на формирование автономной Туркмении (с преобладанием российского влияния) на территории к югу от р. Горган. Очевидно, что Петроград, несмотря на смену риторики, не собирался отказываться от доминирования в регионе, пусть и иными средствами, и позволить тегеранскому правительству восстановить контроль над Туркменсахрой. Нельзя не отметить, что возникшая на рубеже 1916—1917 гг. идея военных властей и представителей Переселенческого управления официально перенести границу была *ad hoc* решением, порожденным обстоятельствами времени и благоприятной военно-политической конъюнктурой; на протяжении предшествующих лет центральные органы власти империи выступали за косвенный контроль, в том числе через переселенчество и создание крупных концессионных предприятий.

Сходство подходов проявлялось и в риторике. Да, добавился удобный тезис о «самоопределении народов», однако старые формулировки, апеллирующие к цивилизаторской миссии, никуда не ушли. Это видно хотя бы из заметки по земельному вопросу — помимо критики несправедливых захватов земель и проч., приведен и следующий тезис: «Нельзя не считать, что нахождение существующих в крае частного хлопкового предпринимательства и переселенческих поселков крайне желательно; рациональные приемы обработки земли под культуру хлопка первым и сравнительно культурные способы ведения земледельческого хозяйства вторыми, должны служить показательными примерами для только что начинающегося хлопководства среди туркмен и для ведения их хозяйства вообще в массе только начинающих переходить от скотоводства к оседлости и земледелию» [2, с. 269].

Как выглядела ситуация в западной части рассматриваемого ареала? Поскольку в Гиляне и Иранском Азербайджане на тот момент положение не было настолько запутанным, как в Астрабадской провинции, речь здесь шла не столько о переформатировании политической границы (в том или ином виде), сколько об общем изменении подходов к персидской политике в целом и региональной в частности. Довольно характерным представляется доклад, направленный в Петроград в мае 1917 г.

председателем Энзелийского военно-промышленного комитета И. Новаком. В нем он подчеркивает неотложность срочных и коренных изменений в направлении русской политики в Персии. По его словам, «свободная Россия логикой событий» в недалеком будущем будет вынуждена вплотную заняться персидским вопросом. «Как и революции 1905 года, русскому освободительному движению суждено волной прокатиться по странам восточного деспотизма. Признак оживления демократического движения в Персии на лицо»[5].

Интересно, однако, с чего начинает Новак. Он подчеркивает, что «России по соглашению с Англией принадлежит преимущественное право влияния в северной Персии». Кроме того, непосредственное соседство, удобство транзита создают для России «естественное преимущество в деле упрочения торгового и промышленного влияния в отсталой стране. Все пути для мирного сближения с туземцами были открыты». Новак задается вопросом о том, что же было достигнуто за многие годы и в каком направлении возможна дальнейшая работа дипломатии. Далее следует основная часть доклада, преимущественно посвященная критике персидской политики при «старом режиме». Так, «верное традициям самодержавия, опасаясь потери влияния, русское правительство царя всеми способами, испытанными во внутренней политике, стремилось противодействовать демократическому движению в Персии и помешать росту производительных сил страны, выполняя знакомую миссию международного жандарма»[6]. Нет нужды пересказывать конкретные примеры, которые были призваны продемонстрировать всю пагубность предшествующей политики России[7].

Из всего этого делались следующие выводы о достигнутых результатах персидской политики:

«1. Искусственно задерживался процесс демократизации государственного строя Персии и развития производительных сил страны.

2. Хилая русская торговля и авантюризм в промышленности скомпрометировали идею тесного торгового сближения с Россией.

3. Деятельность Миссии и Консульств восстановили против России мирное население и способствовали упрочению английского и германского влияния.

4. Отныне всякое демократическое движение в Персии будет антирусским»[8].

---

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 306. Л. 110.

[6] Там же. Л. 110—110 об.

[7] Там же. Л. 110—115. Отмечается общий негативный характер политики, резко критически оценивается роль консулов, консульских агентов, упоминается коррумпированность служащих, содействие контрабанде и спекуляции. Нельзя не отметить, что очень многие тезисы воспроизводят ту критику, что звучала в отношении российских представителей в Персии с британской стороны. Критикуется торговая политика России, концессионная политика, подходы к развитию школьно-образовательной системы и т.д.

[8] Там же. Л. 115.

Наконец, «принимая во внимание, что дорогая родина и русские граждане имеют в Персии значительные интересы, ибо там вложен русский труд и капиталы, что в Персии до Багдада по стратегическим соображениям растянулся русский экспедиционный корпус, что русские граждане, военный отряд, а также отечественная промышленность и торговля при распространении демократического движения окажутся в довольно щекотливом положении, если не сказать более, НЕОБХОДИМЫ СРОЧНЫЕ МЕРЫ и ликвидация старой ненавистной персидскому народу нашей дипломатии и всего старого направления персидского вопроса. ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО». Далее следовало перечисление срочных мер, из которых первая носила общий характер («Временное правительство должно в корне изменить направление нашей общей политики»), а остальные предполагали смену кадрового состава дипломатов (во главе дипломатии должен был стать «испытанный общественный деятель, не прошедший старую школу» МИД), повышение окладов дипломатических чинов (в связи с падением курса рубля), назначение консульскими агентами местных общественных деятелей с выплатой жалования, государственное обеспечение культурно-просветительских мероприятий, предоставление русским колониям самоуправления, их представительство при консульствах[9].

Схожие соображения — о необходимости изменения политического курса в направлении «демократизации» — высказывали и другие российские представители в Иране, в частности В.Ф. Минорский. Выдающийся востоковед-иранист начал службу в стране задолго до революции, принимал участие в работе комиссии по ирано-турецкому разграничению и проч. Существенная часть его деятельности была связана с Иранским Азербайджаном. Интересно, что в работе о курдах, опубликованной в 1915 г., Минорский, рассуждая о трансграничном характере их расселения, замечает: «Но курды не только стена между севером и югом; они сами тянутся далеко на восток в пределы Персии и через все армянское плоскогорье вплоть до нынешних наших пределов. Хорошо дренировать все эти разливы и ввести все 3 миллиона курдов в законные рамки спокойного существования — вот одна из крупнейших проблем будущей политики в Передней Азии» [10, с. 41].

С 16 февраля 1917 г., ввиду отъезда посланника Н.С. Эттера в Россию, В.Ф. Минорский управлял миссией в качестве поверенного в делах. Здесь его и застала революция, с которой он связывал возможность серьезных изменений внешнеполитического курса в Иране. Подходы, сложившиеся в МИД к тому времени, виделись Минорскому косными, отсталыми и бесперспективными. Он подчеркивал ошибочность опоры исключительно на крупных собственников. По его словам, эта практика не несла пользы для интересов государства, но только для самих богатых помещиков и тех, кто их непосредственно «опекал»[10]. Новая русская политика

[9] Там же. Л. 115—115 об.

[10] Там же. Ф. 727. Оп. 2. Д. 351. Л. 3.

должна была выстраиваться с опорой на различные слои иранского общества, партии и фракции в меджлисе. 20 апреля он направил П.Н. Милюкову телеграмму, содержавшую следующие слова: «Лично я не смотрю оптимистично на возможность влиять на выборы через полукрепостных крестьян. Такие приемы нас только скомпрометировали бы. Думаю, что в политику нашу в согласии с общими течениями надо внести большую определенность и опираться нам надо понемногу и на другие классы кроме богатых помещиков»[11]. Он также высказывался о необходимости изменения кадровой политики, критически относился к В.О. Клемму, Н.С. Эттеру.

* * *

К каким выводам позволяет прийти этот краткий очерк геостратегических и общеполитических представлений и соображений представителей правящего класса России периода 1914—1917 гг. применительно к персидскому вопросу и ситуации на Среднем Востоке? Оформление англо-русского соглашения 1907 г. не привело к разрешению всех существующих междержавных противоречий в регионе. Ограниченность притязаний собственной сферой влияния накануне войны, напротив, стала одним из факторов интенсификации политики России в Северной Персии, причем и в новых форматах, несмотря на протесты Британии. Начавшийся глобальный конфликт расширил границы возможного и обсуждаемого: занятость ключевых акторов актуальными военными вопросами позволяла интенсифицировать политику мирного проникновения в Астрабадской провинции с активным вовлечением в обсуждение персидского вопроса чинов Переселенческого управления, предлагавших свое видение послевоенного переустройства региона, включавшее переход под контроль России Прикаспийских провинций и (частично или полностью) Иранского Азербайджана. Причем даже восстание в Русском Туркестане сыграло свою роль в развитии амбициозных планов.

Февральская революция и смена власти в Петрограде оказали неоднозначное влияние на развитие ситуации и соответствующие властные дискурсы. С одной стороны, заявленные новые подходы Временного правительства и возникших местных органов делали неприемлемыми многие из тех проектов, что находились на повестке дня ранее (как, скажем, перенос восточной части границы с Атрека на Горган или, тем более, присоединение северных провинций Ирана). В то же время нельзя отрицать наличие преемственности курса: кризисная ситуация в персидской Туркмении вызвала к жизни (в рамках тезиса о «праве народов на самоопределение») обсуждение идеи поддержки ее автономии (что вызывает ассоциации с Внешней Монголией) при сохранении ключевых политических и экономических позиций России в регионе и недопуще-

[11] АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 489. Д. 592б. 1910—1917. Русская политика в Персии. Л. 23.

нии восстановления над ним реального контроля Тегерана. Эта преемственность неудивительна, учитывая тот факт, что многие ключевые сотрудники имперского Министерства иностранных дел, непосредственно участвовавшие в выработке политических решений, сохранили свои посты (как Клемм и Эттер).

С другой стороны, политические перемены в России и общий курс на «демократизацию», наложившиеся на резко-критическое отношение к «старому режиму», вызвали запрос на коренное изменение подходов к средневосточной политике, что в первую очередь виделось через кадровое обновление и учет новых социально-политических реалий как России, так и Ирана, т.е. через опору на широкие социальные слои, «демократический» характер политики, отказ от прежнего «империалистического» курса. Нельзя при этом не отметить, что даже в тех документах, в которых данные позиции проявлены со всей ясностью, новые подходы связываются с национальными интересами России, в том числе торгово-экономическими, и видятся лишь лучшим средством их обеспечения. Одновременно сохранялось и общее представление о «цивилизаторской миссии» России в Персии, пусть и в несколько измененном и преломленном виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник Временного правительства. 1917. 7(20) марта.

2. Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы) / Отв. ред. Н.В. Литвиненко. Ашхабад: Туркменское государственное изд-во, 1938.

3. *Емельянов А.Г.* Казаки на персидском фронте (1915—1918). М.: Вече, 2007.

4. Записка, составленная в Министерстве иностранных дел. 20 февраля (5 марта) 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств (далее — МОЭИ). Т. 1. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. № 384.

5. Инструкция МИД А.Н. Шпейеру, назначенному российским посланником в Тегеране // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. М.: Институт российской истории РАН, 2004. № 27.

6. *Ларин А.Б.* Незадолго до бури: Россия и Британия в Иране в 1913 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 1 (99). URL: https://history.jes.su/s207987840013829-0-1/ DOI: 10.18254/S207987840013829-0 (дата обращения: 03.09.2025).

7. *Ларин А.Б.* Политика колонизации как политика безопасности: Российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/ DOI: 10.18254/S207987840029145-8 (дата обращения: 03.09.2025).

8. *Ларин А.Б.* «Россия ничьего вмешательства в свои отношения к Персии не потерпит»: Русская политика в Иране накануне и в начальный период Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 1 (85). URL: https://history.jes.su/s207987840008087-4-1/ DOI: 10.18254/S207987840008087-4 (дата обращения: 03.09.2025).

9. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. 1(14) февраля 1914 г. Доверительно // МОЭИ. 1878—1917. Серия 3. 1914—1917. Т. 1. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. № 255.

10. *Минорский В.Ф.* Курды. Заметки и впечатления. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915.

11. Нота министра иностранных дел Временного российского правительства Милюкова от 18 апреля (1 мая) 1917 года о задачах войны, врученная через российских представителей союзным державам // Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910—1940-х годов. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 1997. С. 14—15.

12. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг.: Тип. М.П. Фроловой, 1916.

13. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952.

14. *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии. 1909—1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007.

15. *Gholi Majd M.* Persia in World War I and its conquest by Great Britain. Lanham: University Press of America, 2003.

16. *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864—1914. A study in imperialism. New Haven; L.: Yale University Press, 1968.

17. *McDaniel R.A.* The Shuster mission and the Persian constitutional revolution. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1974.

18. *Moberly F.J.* Operations in Persia. 1914—1919. Facsimile edition with introduction by Dr. G.M. Bayliss. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1987.

19. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan. Private. London, March 18, 1914 // British Documents on the origins of the War, 1898—1914. Vol. X. Part II. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1938. № 535.

REFERENCES

1. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. 1917. 7(20) marta [Bulletin of the Provisional Government. 1917. March 7(20)]. (In Russ.)

2. Vosstanie 1916 goda v Turkmenii (dokumenty i materialy) [The 1916 uprising in Turkmenistan (documents and materials)]. Otv. red. N.V. Litvinenko. Ashhabad: Turkmenskoe gosudarstvennoe izd-vo, 1938. (In Russ.)

3. Emel'janov A.G. Kazaki na persidskom fronte (1915—1918) [Cossacks on the Persian front (1915—1918)]. M.: Veche, 2007. (In Russ.)

4. Zapiska, sostavlennaja v ministerstve inostrannyh del. 20 fevralja (5 marta) 1914 g. [A note compiled by the Ministry of Foreign Affairs. February 20 (March 5), 1914]. Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma: dokumenty iz arhivov carskogo i Vremennogo pravitel'stv (MOJeI) [International relations in the era of imperialism: Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments]. T. 1. M.-L.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1931. № 384. (In Russ.)

5. Instrukcija MID A.N. Shpejeru, naznachennomu rossijskim poslannikom v Tegerane [Instructions from the Ministry of Foreign Affairs to A.N. Speyer, appointed Russian envoy to Tehran]. Korennye interesy Rossii glazami ee gosudarstvennyh dejatelej, diplomatov, voennyh i publicistov. Dokumental'naja publikacija [The fundamen-

tal interests of Russia through the eyes of its statesmen, diplomats, military and publicists. Documentary publication]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2004. (In Russ.)

6. Larin A.B. Nezadolgo do buri: Rossija i Britanija v Irane v 1913 g. [Before the Storm: Russia and Britain in Iran in 1913]. Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija» [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2021. Vol. 12, Issue 1(99). URL: https://history.jes.su/s207987840013829-0-1/ DOI: 10.18254/S207987840013829-0 (date of access: 03.09.2025). (In Russ.)

7. Larin A.B. Politika kolonizacii kak politika bezopasnosti: Rossijskoe pereselenchestvo v Astrabadskuju provinciju Irana v jepohu Velikoj vojny [The policy of colonization as a defense policy: Russian resettlement to the Astarabad Province of Iran in the era of the Great War]. Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija» [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2023. Vol. 14, Issue 11 (133). URL: https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/ DOI: 10.18254/S207987840029145-8 (date of access: 03.09.2025). (In Russ.)

8. Larin A.B. «Rossija nich'ego vmeshatel'stva v svoi otnoshenija k Persii ne poterpit»: Russkaja politika v Irane nakanune i v nachal'nyj period Pervoj mirovoj vojny ["Russia will not tolerate anyone's interference in its relations with Persia": Russian policy in Iran on the eve and during the initial period of the First World War]. Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija» [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2019. Vol. 10, Issue 11 (85). URL: https://history.jes.su/ s207987840008087-4-1/ DOI: 10.18254/S207987840008087-4 (date of access: 03.09.2025). (In Russ.)

9. Ministr inostrannyh del poslanniku v Tegerane Korostovcu. Pis'mo № 86. 1 (14) fevralja 1914 g. Doveritel'no [The Minister of Foreign Affairs to the envoy in Tehran Korostovets. Letter N 86. 1(14) February 1914. Confidentially]. MOJeI. 1878—1917. Series 3. 1914—1917. Vol. 1. M.-L.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1931. № 255. (In Russ.)

10. Minorskij V.F. Kurdy. Zametki i vpechatlenija [Kurds. Notes and impressions]. Pg.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1915. (In Russ.)

11. Nota ministra inostrannyh del Vremennogo rossijskogo pravitel'stva Miljukova ot 18 aprelja (1 maja) 1917 goda o zadachah vojny, vruchennaja cherez rossijskih predstavitelej sojuznym derzhavam [Note by the Minister of Foreign Affairs of the Provisional Russian Government, Milyukov, dated April 18 (May 1), 1917, on the objectives of the war, presented through Russian representatives to the Allied Powers]. Mir mezhdu vojnami: Izbrannye dokumenty po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij 1910—1940-h godov [The World between the Wars: selected documents on the history of international relations in the 1910s — 1940s]. M.: MGIMO(U) MID RF, 1997. Pp. 14—15. (In Russ.)

12. Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1915 g. (Otchet o rabotah Pereselencheskogo upravlenija za 1915 g.) [Resettlement and land management beyond the Urals in 1915. (Work report of the Resettlement Department for 1915)]. Pg.: Tip. M.P. Frolovoi, 1916. (In Russ.)

13. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856—1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856—1917]. M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1952. (In Russ.)

14. Streljanov (Kalabuhov) P.N. Kazaki v Persii. 1909—1918 gg. [Cossacks in Persia. 1909—1918]. M.: Tsentrpoligraf, 2007. (In Russ.)

15. Gholi Majd M. Persia in World War I and its conquest by Great Britain. Lanham: University Press of America, 2003.

16. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864—1914. A study in imperialism. New Haven; L.: Yale University Press, 1968.

17. McDaniel R.A. The Shuster mission and the Persian constitutional revolution. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1974.

18. Moberly F.J. Operations in Persia. 1914—1919. Facsimile edition with introduction by Dr. G.M. Bayliss. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1987.

19. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan. Private. London, March 18, 1914 // British Documents on the origins of the War, 1898—1914. Vol. X. Part II. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1938. № 535.